

В период с 1895 по 1899 гг. были введены новые штаты академических музеев Зоологического, Этнографического, Геологического, Ботанического, Азиатского, и в 1902 г. штат Севастопольской Биологической станции. Академия наук постоянно получала и крупные единовременные и специальные ассигнования на ученые предприятия и издания. За 1890 — начало 1900-х гг. эти ассигнования составили более чем 1 млн руб. Благодаря ходатайствам Константина Константиновича специальные средства были отпущены на проведение Шпицбергенской и Полярной экспедиций, на издание журнала «Византийский временник», на учреждение Пушкинского фонда. К специальным средствам относились и ассигнования на переоборудование нового помещения и внутреннее устройство Зоологического музея, учреждение Постоянной центральной сейсмической комиссии и установление фонда нуждающимся ученым и литераторам.

В. С. Соболев, посвятивший монографию деятельности Константина Константиновича как президента Императорской Академии наук, хотя и оговаривается, что «было бы неверным связывать позитивные тенденции, которые начали все более четко проявляться в деятельности Академии наук с начала 1890-х годов, только с приходом в ее стены Константина Константиновича»¹⁶⁸, на деле приписывает ему личное активное участие едва ли не во всех академических делах¹⁶⁹. Совершенно очевидно, что Константину Константиновичу докладывали обо всех важных событиях жизни Академии, и он своей подписью поддерживал ее начинания и усердно «выбивал» для нее деньги. Соглашаясь с Соболевым в том, что роль Константина Константиновича в академической жизни (особенно в 1888–1900 гг.) была значительной, попытаемся оценить его личный вклад в развитие Академии наук. На наш взгляд, главным предметом его забот в первое десятилетие академической деятельности (помимо финансирования) было обновление личного состава Академии наук и преобразование ОРЯС.

«Обрусение» Императорской Академии наук

Свое главное предназначение как президента Академии наук Константин Константинович видел в том, чтобы поднять ее престиж в глазах общества, «снискать для Академии доверие и уважение публики»¹⁷⁰. Когда

---

¹⁶⁸ Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. С. 27.

¹⁶⁹ Ограничусь одним примером: Соболев преувеличивает роль Константина Константиновича в создании Русского археологического института в Константинополе (с. 20–22): если он и имел к этому отношение, то только косвенное, настоящими творцами института были А. И. Нелидов, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков А. И. Кирпичников, Т. И. Филиппов.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 154. Запись 22. 12. 1889.

он стал президентом, «немецкая Академия», как ее язвительно называли, замкнуто-кастовая по настроению некоторых своих членов, ушедшая в «чистую» науку, возбуждала неприязненные толки в обществе. «Немцы не пробуждают к себе никакой любви, но возбуждают много уважения», — так в 1899 г. выразил отношение русских людей к немцам В. В. Розанов¹⁷¹.

Завоевать расположение публики к Академии наук Константин Константинович надеялся в первую очередь широким привлечением в нее талантливых русских ученых. Выборы в Академию наук все еще проходили под знаком борьбы так называемых «немецкой» и «русской» партий. Впрочем, в конце XIX в. деление на русскую и немецкую партию в Академии наук было довольно условным и объяснялось объективными сложностями определения критериев выбора кандидатов, достойных занять академическое кресло.

Приход в Академию наук вел. кн. Константина Константиновича лишь ускорил естественный процесс ее «обрусения». Во время выборов в академики и адъюнкты он отдавал свой голос в пользу русского ученого даже в тех случаях, когда его иноземный конкурент был более известен своими работами, так как, по признанию президента, «немец менее желателен в видах обрусения академии»¹⁷². Вскоре после его вступления в должность, в конце 1889–1890 гг., были избраны сразу 9 академиков: историк русской литературы Л. Н. Майков, византист В. Г. Васильевский, историк К. Н. Бестужев-Рюмин, астроном Ф. А. Бредихин, историк литературы Н. С. Тихонравов, славист Н. А. Лавровский, экономист Н. Х. Бунге¹⁷³ и зоологи А. О. Ковалевский и Ф. Д. Плеске (выбыл в 1897 г.).

---

¹⁷¹ *Розанов В. В.* Федосеевцы в Риге // Около церковных стен: Собр. соч. / Под общей ред. А. Н. Николюка. М., 1995. С. 23. «Вражда к немцам, — сетовал еще в 1855 г. академик А. В. Никитенко в своем дневнике по поводу выборов неперменного секретаря (кандидатами были В. Я. Буяковский и А. Ф. Миддендорф), — сделалась у нас болезнью многих. Конечно, хорошо и следует стоять за своих — но чем стоять? Делом, способностями, трудами и добросовестностью, а не одним криком, что мы, дескать, русские! Немцы первенствуют у нас во многих специальных случаях оттого, что они трудолюбивее, а главное — дружно стремятся к достижению общей цели. В этом залог их успеха. А мы, во-первых, стараемся сделать все как-нибудь по-„казенному“, чтобы начальство было нами довольно и дало нам награду. Во-вторых, где трое или четверо собралось наших во имя какой-нибудь идеи или для общего дела, там непременно ожидайте, что на другой или третий день они перессорятся да нагадят друг другу и разбредутся... Конечно, между нашими есть много людей со способностями, но им не дана способность хорошо употреблять свои способности». *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. 1826–1857. М., 1955. С. 407–408.

¹⁷² Запись 17. 08. 1891. Опубл.: *К. Р. Великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 182.

¹⁷³ Подробности избрания Н. Х. Бунге узнаем из дневника Константина Константиновича: «Веселовский написал мне, что по моему поручению был у председателя Комитета министров, чтобы выведать у него частным образом, принял бы он звание академика, и он с радостью согласился. Привлечение такого рода высокопоставленного лица в среду ака-

В 1890 г. была исправлена та несправедливость, которую Академия наук допустила по отношению к прибалтийскому немцу бар. В. Р. Розену, и он был избран экстраординарным академиком. Типичными для своего времени были судьбы двух академиков родом из Ревеля (совр. Таллин), Розена и Залемана, которых с детства связывала дружба: оба окончили ревельскую школу Ritter-und Domschule, оба в школьные годы проявили лингвистические наклонности и поступили на восточный факультет Петербургского университета, и в конце концов оба стали знаменитыми востоковедами и академиками. Только Розен, несмотря на свое немецкое происхождение, самостоятельно выучил в гимназии русский язык и стал большим русским патриотом. В отличие от Розена Залеман так и остался типичным прибалтийским немцем: его считали немцем в России и русским в Германии¹⁷⁴.

Всего же с 1889 по 1900 г. на место выбывших академиков было принято 19 новых членов¹⁷⁵ в том числе по ФМО ботаник С. И. Коржинский, математик Н. Я. Сонин, физик Б. Б. Голицын, минералог П. В. Еремеев, физик М. А. Рыкачев, геолог Ф. Н. Чернышев, зоолог В. В. Заленский, ботаник М. С. Воронин, астроном А. А. Белопольский, а в последующие годы — минералог Е. С. Федоров (выбыл в 1905 г.), математик А. М. Ляпунов, ботаник И. П. Бородин, минералог В. И. Вернадский, зоолог Н. В. Насонов, физиолог И. П. Павлов, химик П. И. Вальден, математик В. А. Стеклов, химик Н. С. Курнаков, палеонтолог Н. И. Андрусов, ботаник В. И. Палладин, химик В. Н. Ипатьев, геолог А. П. Павлов, физик А. Н. Крылов, физик П. П. Лазарев. Отделение русского языка и словесности пополнили А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, Ф. Ф. Фортунатов, Н. П. Кондаков, И. Н. Жданов, В. И. Ламанский, Ф. Е. Корш, А. Н. Соболевский, Е. Е. Голубинский, Н. П. Дашкевич, В. М. Истрин, Н. А. Когляревский, В. Ф. Миллер, В. Н. Перетц, В. С. Иконников, И. С. Пальмов, Е. Ф. Карский, Н. К. Никольский, Я. И. Смирнов.

Константин Константинович был очень настойчивым русофилом и с большим азартом боролся за своих кандидатов, и в дневнике он подробно

демиков будет важным и в высшей степени полезным приобретением для Академии. Николай Христианович Бунге первый в России политико-экономист и займет освободившееся у нас кресло покойного В. Л. Безобразова. Я давно уже лелеял мечту завербовать его в Академию, и вот моя мечта сбывается: ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 127–127 об. Запись 17.11.1889.

¹⁷⁴ Бартольд В. В. К. Г. Залеман // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Пг., 1917. Т. 24. С. 238.

¹⁷⁵ С 1889 по 1900 г. умерли президент Академии Толстой, академики Буняковский, Безобразов, Максимович, Имшенецкий, Наук, Грот, Штраух, Шренк, Миддендорф, Чебышев, Бунге, Бестужев-Рюмин, Бусласв, Еремеев, Куник, Бычков, Васильевский, Лавровский, Майков, Васильев. Бетлинг в 1868 г. переселился за границу; в 1895 г. директор Главной Физической обсерватории Вильд вышел в отставку и уехал в Цюрих, в 1898 г. выбыл Алучин. Список личного состава Императорской Академии наук за 1888–1917 гг. дан в Приложении 2.

описал перипетии академических пикировок. В первый год своего президентства Константин Константинович предложил избрать в ordinарные академики профессора Петербургского университета византиниста Васильевского по кафедре русской истории. Историко-филологическое отделение Академии горячо поддержало президента, но этому избранию противился непрременный секретарь Веселовский, который уже 8 лет тормозил проведение этого вопроса. Веселовский ссылаясь на то, что выдвижение проводится слишком спешно, утверждал, что заслуги Васильевского преувеличены университетскими товарищами и это избрание произвело бы неприятное впечатление в Академии. Константин Константинович, по его словам, знал, что все эти доводы были не обоснованы, горячо спорил и в конце концов настоял на своем. На заседании ИФО 12 декабря 1889 г. он предложил академику Кунику, который много лет до этого безуспешно хлопотал об избрании Васильевского, прочитав о нем записку и после этого пригласил академиком подписать ее. Когда Радлов и Наук подписали представление, Константин Константинович безмолвно положил его перед непрременным секретарем, и тот также безмолвно его подписал. Президент одержал победу, по его собственным словам, «легко и просто, без всякого шума»¹⁷⁶.

Следующее столкновение с Веселовским произошло по поводу выбора кандидата на должность директора Пулковской обсерватории. Руководство обсерваторией находилось в руках семьи Струве: в 1862 г. (а фактически в 1858 г.) В. Я. Струве передал заведование обсерваторией своему сыну О. В. Струве, при котором обсерватория постепенно превратилась в замкнутую корпорацию немецких ученых. В конце 1889 г. по распоряжению президента состоящий при Академии наук Комитет по делам Пулковской обсерватории провел ее обследование и дал отрицательный отзыв о ее деятельности. После этого Академия наук демонстративно уклонилась от участия в праздновании 50-летнего юбилея обсерватории, что вызвало нарекания Константина Константиновича¹⁷⁷. В декабре 1889 г. О. В. Струве вышел в отставку, выбыл из Академии и вскоре уехал за границу.

---

¹⁷⁶ ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 147 об.–150. Запись 9 и 10.12.1889.

¹⁷⁷ «Меня раздражало и возмущало, — запальчиво пишет тридцатилетний президент, — что господа эти, умные, ученые, дожившие до седых волос, не могут понять, что нельзя вносить своих личных предубеждений в дела, касающиеся общественности. Я привел им предположение, что юбилей уже отпразднован, что Пулково посетили всевозможные русские и со стороны ученые... и что одна только Императорская Академия наук отказалась выразить младшей сестре своей участие в этих торжествах. Я говорил, что таким устранением нашего участия мы навлекли бы на Академию совершенно справедливые нарекания общества и печати. Я говорил горячо, с увлечением и сам удивлялся своей прыти. И все-таки слышались мнения, противоположные моему»: ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 51 об.–52. Запись 24.07.1889.

В 1890 г. обсуждались кандидатуры директора Пулковской обсерватории. Константин Константинович хотел видеть на этом месте астрофизика Ф. А. Бредихина, «немецкая партия», Веселовский вместе с Гадолиным и Вильдом, прочила в Пулково шведского астронома О. А. Баклунда¹⁷⁸. За поддержкой президент обратился к членам Отделения русского языка и словесности, хотя этот вопрос был посторонним для них. По словам Константина Константиновича, ему «хотелось знать мнение этих русских людей, и вместе с тем людей науки, хоть не астрономов и не математиков. Они согласились со мною, что нельзя допускать иностранца Баклунда со всеми его качествами до Пулкова»¹⁷⁹. Более того, президент заручился согласием Николая II назначить на эту должность только русского ученого. После разговора с императором Константин Константинович записал в своем дневнике: «Я сообщил (государю) о намерении Струве подать в отставку и о своем мнении, что лучше его не удерживать более. Государь согласился. Я поспешил прибавить, что Академия, пожалуй, избрет новым директором Обсерватории иностранца или не коренного русского, и спросил, могут ли перед выборами заявить о Его Государевом желании, чтобы избран был человек с русским именем даже в случае, если бы он оказался в научном отношении ниже иностранцев. Государь уполномочил меня на это. Я сказал, что это единственное средство передать обсерваторию в русские руки. Государь спросил: «Кто из наших ученых мог бы заменить Струве? Я назвал члена-корреспондента Академии профессора Московского университета Бредихина, предупредив, что по слухам, предполагает покинуть службу, но что, вероятно, узнав о воле Государя, он пойдет в Пулково. Государь позволил мне сообщить Бредихину о таком его Государевом желании. Я очень счастлив, имея могущественное царское слово как оружие против могущих возникнуть в Академии споров»¹⁸⁰. Константин Кон-

---

¹⁷⁸ Уместно вспомнить, что выборы в адъюнкты по астрономии О. Баклунда, молодого шведа, не говорящего по-русски, проходили в 1880 г., вскоре после провала Менделеева. «После забаллотирования профессора Менделеева, — с возмущением писал по этому поводу А. М. Бутлеров в статье «Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?», — представление г. Баклунда являлось прямым неудобопереносимым оскорблением достоинства русской науки»: *Бутлеров. А. М. Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // Сочинения. М., 1958. Т. III. С. 128–129.* В 1880 г. на Общем собрании Баклунд потерпел неудачу, но уже в 1883 г. он был избран прямо в ординарные академики В 1890 г. Константин Константинович записал в своем дневнике: «Встав из гроба, Бутлеров и теперь мог бы написать почти то же самое. Только теперь та разница, что мне как президенту самому приходится вести борьбу с немцами и потому надежды на успех побольше прежнего»: Запись 9.02.1890 г. Опубл.: *К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 151.*

¹⁷⁹ Там же. С. 150.

¹⁸⁰ ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 119 об.—120. Запись 7.11.1889.

стантинович прямо предупредил Баклунда, что он не будет утвержден даже в случае своего избрания, и Баклунд заблаговременно отказался баллотироваться. Бредихин долго не соглашался занять должность директора в Пулковке, ссылаясь на возраст и расстроенное здоровье, и уступил лишь тогда, когда президент сообщил ему о воле Николая II. С избранием директором Бредихина в обсерватории начались ощутимые перемены. «Отрадно видеть, — отмечал Константин Константинович, — как оживилось это ученое учреждение с тех пор, как во главе его стоит умный, живой и деятельный Фед. Александр. Бредихин. Работа кипит, вычисления, лежавшие под спудом, стали быстро печататься, астрофизике дан толчок вперед, царство вялых шведов и немцев прекратилось, многие из них выбыли, уступив свое место молодым русским ученым, жаждущим дела, которые прежде или затирались, или вовсе не допускались»¹⁸¹. Впрочем, в 1904 г., после смерти Бредихина, директором Пулковской обсерватории все-таки стал Баклунд.

Наконец, немецкая партия Веселовского выдвинула кандидатуру старшего зоолога Плеске в адъюнкты по зоологии. На заседании ФМО 14 (13) февраля 1890 г. академик Штраух внес представление о его избрании, намереваясь подготовить себе в нем заместителя. Фаминцын настаивал на привлечении в Академию А. О. Ковалевского как представителя морфологии. Возникли прения. Присутствовавший на этом заседании президент записал в своем дневнике: «Мне стало грустно, я понял, в чем дело, что опять идет спор немцев с русскими. Я боялся обидеть первых, поддерживая последних, и хотел уже перейти к следующему вопросу. Но Штраух просил решить, будет ли приступлено к баллотировке в следующем заседании. Тогда я решился сказать, что к избранию Плеске можно будет приступить впоследствии, когда Ковалевский войдет в число академиков, а Фаминцын предложил заготовить представление к ближайшему заседанию. Штраух, видимо, оставался недоволен и спрятал заметку о Плеске в карман»¹⁸². В результате 27 февраля на заседании ФМО была проведена баллотировка обоих кандидатов. Ф. Д. Плеске был избран, но удалось провести и Ковалевского. Константин Константинович радовался этой победе: «Одним русским будет больше, а там при счастье проведу и Менделеева»¹⁸³. Менделееву предложили выставить свою кандидатуру в академики, но он, к тому времени уже член почти всех иностранных ака-

---

¹⁸¹ К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 185–186.

¹⁸² Там же. С. 151.

¹⁸³ Там же. С. 153.

демей и почетный член десятков научных обществ, отказался от этой поздней почести¹⁸⁴.

В 1898 г. академики Радлов, Залеман и Марков пытались оспорить легитимность выборов, проведенных с 1889 г., основываясь на некоторой неясности § 46 и § 47 устава. «Если согласиться с мнением этих трех академиков, — в недоумении писал Константин Константинович вице-президенту Майкову, — то придется признать незаконным избрание 19 академиков (из которых выбыл один Д. Н. Анучин), поступивших после 1889 г., когда я был назначен; сверх этого числа было еще несколько человек, ныне уже умерших. Все они, значит, более половины состава академиков, за последние 9 лет избирались при обязательном участии и президента, и вице-президента. Если такой порядок и противоречит уставу, то тем не менее успел войти в обычай. Правда, в уставе нет ни слова об участии президента в выборах, происходящих в отделениях, но упоминается, что он «председательствует в академических собраниях». Едва ли устав предполагал председательствование без участия в выборах. 13-го числа надо, как мне кажется, предоставить трем академикам — авторам заявлений прочесть их и возразить им доводом о незаконности с их точки зрения 18 академиков. Как скучны эти придирки, выставляемые гораздо более личными соображениями, чем принципиально!»¹⁸⁵

Решительным шагом в изменении направления развития Академии наук стала отставка с должности неперменного секретаря Веселовского, возглавлявшего «немецкую» партию¹⁸⁶. Веселовский сам попросил об этом вел. кн. Константина Константиновича в июне 1889 г., но тот из деликатности не принял этой отставки. Формальный предлог для отставки властолюбивого неперменного секретаря представился в начале января 1890 г., когда он без ведома президента внес на обсуждение общего собрания предложение об изменении порядка печатания академических протоколов. Хотя новые правила были вполне разумными, и академики вновь получали

---

¹⁸⁴ В 1896 г. был избран в академики А. Н. Пыпин, который в 1871 г. в результате ожесточенной закулисной кампании, поднятой против него, был вынужден снять свою кандидатуру.

¹⁸⁵ РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 67. Л. 196 об.–197 об. Письмо Константина Константиновича Л. Н. Майкову от 11.05.1898.

¹⁸⁶ Константин Константинович сетовал: «Я вступил в управление Академией наук 7 месяцев назад и не ожидал, что кроме радостей и удовольствия меня будут ожидать неприятности и заботы. Меня предупреждали, что я часто буду встречать сопротивление со стороны неперменного секретаря Веселовского и сталкиваться с ним. До сих пор я не слышал от него ни малейшего противоречия и стал уже думать, что слухи о его тяжелом нраве и строптивом властолюбии сильно преувеличены. ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 148. Запись 10.12.1889.

право редактирования корректур протоколов, президент объявил Веселовскому выговор за нарушение академического порядка и записал в дневнике: «Нелегко писать выговоры человеку, попавшему в секретари Академии за год до моего появления на свет»¹⁸⁷.

Веселовскому не оставалось ничего другого, как подать в отставку, которая была немедленно принята президентом и встречена одобрительным молчанием академиков. Наступил конец 34-летнему господству самого «непременного» секретаря Академии, при котором сменились три президента, Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой. Веселовский порой оказывал противодействие начинаниям Константина Константиновича, но несмотря на разногласия президент высоко его ценил: «С ним можно не соглашаться во мнениях, а дело с ним иметь приятно, даже когда видишь упорную борьбу, потому что человек он чрезвычайно умный и воспитанный, не то что Марков, который при всяком недоразумении становится грубее извозчика»¹⁸⁸. Несмотря на отставку Веселовского «немецкая» партия не намерена была сдавать свои позиции и начала энергичную борьбу за «своего» кандидата на должность непременного секретаря — А. А. Штрауха. Кандидатуру «русской» партии — А. С. Фаминцына — поддержал президент. Только после третьей баллотировки Штраух получил необходимые ему для избрания 16 белых шаров при 14 черных.

На рубеже веков в Академии окончательно восторжествовала «русская партия», и «немцы» имели уже мало шансов попасть в Академию¹⁸⁹. В 1893 г. во время выборов в адъюнкты по классической филологии Академия предпочла потомственного петербуржца датского происхождения Ернштедта немецкому профессору Историко-филологического института Л. А. Мюллеру: последний, в совершенстве владел латинским языком, однако, по словам Варнеке, за 30 лет жизни в Петербурге так и не смог научиться по-русски ничему, кроме «уличных» слов¹⁹⁰.

В 1900 г. Общее собрание забаллотировало В. Э. Регеля, усердного

---

¹⁸⁷ ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 37. Л. 17 об. Запись 29. 01. 1890.

¹⁸⁸ Там же. Л. 150 об.—151. Запись 16.12.1889.

¹⁸⁹ О настроении в русских ученых кругах, свидетельствует, например, и такая реплика: в 1907 г. П. К. Коковцов писал Б. А. Тураеву: «...вполне разделяю Ваши золотые слова: „мы, русские, должны крепко держаться друг за друга“. Я прибавил бы еще к этому: — „и поддерживать прежде всего друг друга“». Письмо 13. 11. 1907: АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 6. // *Клочков И. С. Письма русских ученых Б. А. Тураеву // Христианский Восток. 2004. Т. 4. В печати.*

¹⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 32, 35. *Варнеке Б. В. Старые филологи. Воспоминания. По мнению того же Варнеке, избрание в Академию в 1917 г. «усердного крохобора А. В. Никитского было явным оскорблением Ф. Ф. Зелинскому, который украсил бы любую среду своим сотрудничеством»: Там же. Л. 46.*

помощника Академии в издании бумаг Порфирия Успенского и основоположника журнала «Византийский временник», когда его коллеги, в том числе Никитин, представили к званию адъюнкта. На сетования Регеля ему объясняли, что беда в том, что его фамилия Регель, а не Линейкин (Regel по-немецки «линейка») ¹⁹¹. Даже хранитель Азиатского музея, египтолог с европейским именем О. Э. фон Лемм, не говоривший по-русски, мог претендовать в это время только на звание члена-корреспондента. «Немцы» в ответ обижались на академические порядки и обвиняли Академию в кумовстве и нетерпимости ¹⁹².

За два года до начала Первой мировой войны, в 1912 г., С. Ф. Ольденбург поздравил вел. кн. Константина Константиновича с тем, что за 23 года его президентства «Академия стала Русской Академией, и самые злые ее недоброжелатели этого не решатся отрицать» ¹⁹³.

Отделение русского языка и словесности

Из трех отделений Академии Константин Константинович отдавал явное предпочтение Отделению русского языка и словесности, которые сами академики кратко называли Русским отделением. В 1887 г. по представлению именно этого отделения он был избран почетным академиком. Присоединение в 1841 г. к Академии наук Российской Академии в виде особого Отделения русского языка и словесности (ОРЯС, II-е отделение) в составе 16 ординарных академиков и 4 адъюнктов изменило в Академии наук соотношение сил в пользу гуманитариев. ОРЯС с самого начала, 1841 г., занимало в Академии наук особое положение, у него были свои традиции и взгляды, оно имело своего собственного председателя и свое «Положение» ¹⁹⁴. Члены отделения не чувствовали себя вполне равноправ-

---

¹⁹¹ Медведев И. П. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // АРВ. С. 157. Прибалтийский немец и протестант Регель только в 1905 г., после десятилетнего руководства журналом, был наконец утвержден на заседании ИФО единоличным редактором «православного» журнала «Византийский временник», по докладу Никитина, «за неимением в составе Академии специалистов по Византии».

¹⁹² За прямолинейность своих взглядов на чистоту русской науки великий князь Константин Константинович был даже поставлен некоторыми исследователями в один ряд с В. М. Пурешкевичем, «столь же рьяно борющимся за чистоту русской нации»: Романовский С. И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // ВИАТ. 1999. № 3. С. 56. Как показали события Первой мировой войны, это обидное сравнение было в высшей степени несправедливо (см. ниже).

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 79 об.–80. Письмо С. Ф. Ольденбурга Константину Константиновичу от 16.10.1912 г.

¹⁹⁴ Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук. § 26 // История Академии наук СССР. 1803–1917. С. 709–710.